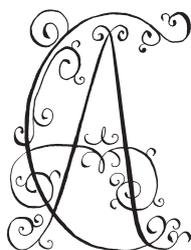

Институт славяноведения РАН

Славянский Альманах

1-2 · 2014

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2014

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (отв. редактор)
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
Н. Н. Старикова, доктор филологических наук
Е. С. Узенева, кандидат филологических наук
А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2014. Вып. 1–2. – М.: Индрик, 2014. – 384 с.

ISSN 2073-5731

«Славянский альманах» отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, общественных и национальных движений, международных отношений, истории славистики, истории культуры, литературы и фольклора, этнолингвистики, древних и современных славянских, балканских и балтийских языков и диалектов. Хронологический охват материалов – от Средних веков до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The «Slavic Almanac» reflects main trends in complex scholarly research in the Slavic studies. The volume includes articles and materials on topical issues from the history of Slavic nations, political and national movements, history of Slavic studies, history of culture, literature, folklore, ethnolinguistic, ancient and modern Slavic, Balkan and Baltic languages and dialects. Chronologically the articles embrace the period from the Middle Ages to the present day. The volume is addressed to a wide readers' audience.

ISSN 2073-5731

© Институт славяноведения РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Индрик», 2014

Содержание

От редколлегии	11
----------------------	----

Пленарное заседание

<i>Мельников Г. П. (Москва). Актуальность кирилло-мефодиевской и средневековой тематики в современной Центрально-Восточной Европе</i>	12
<i>Старикова Н. Н. (Москва). Национальная идентичность славянских литератур в эпоху глобализации. Парадокс постмодернизма</i>	22
<i>Плотникова А. А. (Москва). Язык как зеркало народной культуры: этнолингвистические вопросники в полевых исследованиях</i>	34

История

<i>Фролова М. М. (Москва). Русские консулы и болгаро-греческое противостояние в церковном вопросе и на ниве школьного образования (Адрианополь, Варна, Битола. 50–60-е годы XIX в.)</i>	44
<i>Мельчакова К. В. (Москва). Дипломатия и путешествия в неизведанных славянских землях. А. Ф. Гильфердинг и А. С. Ионин на службе в первом русском консульстве в Сараево</i>	61
<i>Аксенова Е. П. (Москва). Н. А. Добролюбов в Праге и студенческие волнения 1860 г. (из неопубликованных рукописей А. В. Флоровского)</i>	74
<i>Галчева Т. Н. (София), Ковалев М. В. (Саратов). «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А. М. Мещерского с А. В. Флоровским (1956–1967)</i>	84
<i>Сергеенко Е. С. (Москва). Отношения албанцев и сербов в Косово в конце XIX – начале XX в.</i>	100
<i>Данилец Ю. В. (Ужгород). К вопросу о подготовке второго Мараморош-Сиготского процесса против православных Закарпатья</i>	110

<i>Гусев Н. С. (Москва). Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование</i>	123
<i>Дмитриев Д. Г. (Москва). Поляки на службе в царской армии накануне Первой мировой войны (к вопросу о векторе социальной мотивации)</i>	134
<i>Субаев Р. Р. (Москва). Вступление Турции в Первую мировую войну</i>	142
<i>Поздняков Е. И. (Москва). Югославянская идея во взглядах южнославянских солдат-добровольцев в России</i>	161
<i>Борисенок Е. Ю. (Москва). Из малороссов – в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности</i>	171
<i>Волокитина Т. В. (Москва). Болгария во внешней политике СССР в годы Второй мировой войны</i>	187
<i>Кимура К. (Токио – Будапешт), Стыкалин А. С. (Москва). Венгерско-югославские отношения в 1945 – весной 1948 г.: от примирения к началу нового конфликта</i>	203
<i>Гладышева А. С. (Москва). Румыния в Организации Варшавского договора: от солидарности к конфронтации (1955–1965)</i>	221

История культуры

<i>Лескинен М. В. (Москва). Записки поляков сарматской эпохи в контексте современных исследований путешествия/травелога в нарративном аспекте</i>	235
<i>Машкова А. Г. (Москва). Человек и история в словацкой прозе 2000-х годов (на примере романов Павла Ранкова)</i>	248
<i>Созина Ю. А. (Москва). История словенской литературы в России – фундаментальные исследования конца XX – XXI в.</i>	258
<i>Федорова М. С. (Москва). К вопросу о типологии женских образов в литературе первой половины XVIII в. (на примере «Повести о царевне Персике»)</i>	267
<i>Смирнова И. Н. (Москва). Женские образы в новейших работах болгарских литературоведов (обзор содержания, тематика, направленность)</i>	275
<i>Агапкина Т. А. (Москва). Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракита (род Salix)</i>	283
<i>Валенцова М. М. (Москва). Поверья о змеях и змееподобных демонах в словацкой традиции</i>	303

<i>Коваль-Фучило И. М. (Киев). Погребальное голошение: магия и экспрессия обряда (восточнославянская традиция)</i>	<i>320</i>
--	------------

Языкознание

<i>Скалкина Я. Ю. (Москва). Семантическая классификация неологизмов в болгарском, польском и русском языках</i>	<i>327</i>
<i>Громова М. М. (Москва). Особенности кластеризации клитик в современном словенском языке</i>	<i>335</i>

Рецензии

<i>Седакова И. А. (Москва). Новые достижения московской этнолингвистики, или Всё о славянском свадебном обряде</i>	<i>347</i>
<i>Косик В. И. (Москва). Болгарская книга о русской литературе</i>	<i>352</i>
<i>Сопильняк Ю. А. (Москва). История и повествование в сербском постмодернистском историческом романе</i>	<i>356</i>
<i>Шатько Е. В. (Москва). Философские основы романа М. Павича «Хазарский словарь»</i>	<i>361</i>

Хроника

<i>Дронов М. Ю. (Москва). Пятое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Россия (Советский Союз) и Словакия на общих перекрестках истории»</i>	<i>366</i>
<i>Дронов М. Ю. (Москва). Международная научная конференция «Российская политика на евразийском континенте в современной истории»</i>	<i>370</i>
<i>Сведения об авторах</i>	<i>373</i>

*Т. Н. Галчева (София),
М. В. Ковалев (Саратов)*

**«...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать
будущему». Переписка А. П. Мещерского
с А. В. Флоровским (1956–1967)¹**

Статья посвящена научной реконструкции переписки А. В. Флоровского и А. П. Мещерского, хранящейся ныне в архивах Москвы и Праги. Раскрывается специфика научных коммуникаций в русской эмигрантской среде, анализируются контакты между различными эмигрантскими центрами и отдельными персонами, рассказывается о деятельности интеллектуалов по сохранению исторического наследия Зарубежной России.

Ключевые слова: *А. В. Флоровский, А. П. Мещерский, Н. С. Трубецкой, К. В. Флоровская, русская эмиграция, переписка, Чехословакия, Болгария, Прага, София, историография.*

Переписка выдающегося историка, профессора Императорского Новороссийского университета в Одессе и Карлова университета в Праге Антония Васильевича Флоровского (1884–1968) с не особенно известным библиографом из Софии Андреем Павловичем Мещерским (1915–1992) привлекла внимание исследователей еще двадцать лет тому назад, когда впервые вводилась в научный оборот та часть из архива А. В. Флоровского, которая оказалась в Москве². Интерес к ней был вполне обоснован: обоих корреспондентов объединяла принадлежность к русской послереволюционной эмиграции, а их взаимоотношения возникли и строились именно в силу желания сохранить память о людях, создававших в 1920–1930-х гг. русскую науку в изгнании. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что эпистолярные собеседники, которые, впрочем, никогда не были лично знакомы и не встречались друг с другом, оставили заметный след в процессе сохранения истории и культуры того общества, к которому они принадлежали.

Имя профессионального библиотекаря и страстного библиофила князя Андрея Павловича Мещерского известно лишь узкому кругу эмигрантоведов³. Мы не будем останавливаться на его биографии, так как недавно была опубликована подробная статья, освещающая основные вехи его жизненного пути⁴. Обнаруженная и реконструированная нами бóльшая часть его переписки с А. В. Флоровским позволяет с уверенностью утверждать, что князь А. П. Мещерский

являлся первым библиографом и исследователем русской академической эмиграции в Болгарии, к которой принадлежал и сам. Ему было пять лет, когда семья Мещерских оказалась в Софии. Здесь он окончил школу и университет, созданные усилиями эмигрантов. Благодаря его почти полностью сохранившимся письмам можно реконструировать процесс создания основной его работы – «Заметок и материалов к библиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии. 1920–1944», к сожалению, на долгие годы оставшихся запертыми в столе.

К собиранию наследия, а также к историографическому осмыслению работ русских ученых-эмигрантов был причастен уже с первых лет своей жизни на чужбине и профессор А. В. Флоровский. Интересно, что именно в эмиграции он в полной мере обратится к историографическим сюжетам, которые во время жизни в Одессе занимали его незначительно. В 1922 г. ученый был выслан из Советской России и после недолгого пребывания в Болгарии осел в Праге, где ему суждено будет прожить всю оставшуюся жизнь. В 1920–1930-х гг. А. В. Флоровский принимал активное участие в жизни эмигрантских научных организаций и учебных заведений, таких как Комитет русской книги, Русский педагогический институт имени Я. А. Коменского, Русский юридический факультет, Русский народный университет и др. В конце 1930-х гг. он был председателем Русского исторического общества в Праге⁵. В научном плане в межвоенный период он сосредоточится на изучении русско-чешских отношений⁶. В то же время он будет пытаться осмыслить феномен развития русской исторической науки за границей и собирать соответствующие материалы⁷. В 1946 г. А. В. Флоровский принял советское гражданство, но остался в Чехословакии, получил должность ординарного профессора Карлова университета. Его имя было широко известно в научном мире. Он активно контактировал с учеными разных стран, в том числе отдал много сил налаживанию связей с советскими историками⁸.

Именно в 1950–1960-е гг. начинается, пусть и поначалу едва заметно, культурный диалог между русской эмиграцией и СССР. В Софию приезжают Д. С. Лихачев и Н. И. Толстой, где их встречает А. П. Мещерский. А. В. Флоровский же переписывается с крупнейшими советскими историками (С. С. Дмитриев, А. А. Зимин, В. И. Малышев, В. Т. Пашуто и др.), а в 1967 г. посещает Минск, Москву и Ленинград. Поэтому закономерно, что и эпистолярное общение А. В. Флоровского и А. П. Мещерского пришлось на годы «оттепели».

Их переписка дает возможность по-новому взглянуть на Зарубежную Россию, ибо относится она к тому периоду, когда история первой волны эмиграции, по сути, закончилась. Но именно в 1950–1960-е гг. русские интеллектуалы за границей делают многочисленные попытки метаосмысления собственной истории. У них складывается ощущение, что прошлое уходит, исчезает без следа. Поэтому таким важным казалось зафиксировать его и сохранить для будущего.

Опыт А. П. Мещерского по написанию истории русской академической эмиграции в Болгарии вписывается в этот контекст. Он по крупицам собирал информацию с помощью знакомых ему людей. Контакт с А. В. Флоровским состоялся посредством сестры последнего Клавдии Васильевны Флоровской (1883–1965), которая долгое время жила в Болгарии. Именно ее, перед отъездом из Софии в СССР в 1955 г., Андрей Павлович попросил помочь ему в установлении связи с проживавшим в Праге ученым. Это подтверждает письмо А. П. Мещерского, отправленное А. В. Флоровскому в феврале 1956 г.: «Как Вам писала (по моей просьбе) еще из Софии Клавдия Васильевна, я уже несколько лет как собираю био-библиографический материал о русских ученых, чья научная и педагогическая работа была так или иначе связана с Болгарией. Так, мне удалось более или менее полно охватить научное наследство 4-х историков, пребывавших в Болгарии в период, который я сейчас охватываю: 1920/1944. Это: Гримм, Кондаков, Мякотин, Бицилли. Сейчас я заканчиваю группу филологов». Обращение к К. В. Флоровской было, конечно, неслучайным. Медиевист, воспитанница школы И. М. Гревса, она была первой женщиной – приват-доцентом Императорского Новороссийского университета. Ее ученая карьера прервалась с 1920 г., когда она уехала из Одессы. Но в первые годы эмиграции – с 1921 по 1923 г. – она переписывалась с Петром Михайловичем Бицилли (1879–1953), к этому моменту – профессором филиала философского факультета Белградского университета в г. Скопье. Эти письма перед своим отъездом из Софии Клавдия Васильевна вернула родственникам покойного ученого, часть их А. П. Мещерский включил в свой расширенный биографический очерк об историке. Оттуда они перешли в качестве цитат во многие современные исследования и по сей день считаются одним из наиболее важных биографических источников, относящихся к «сербскому» периоду жизни П. М. Бицилли⁹.

Сейчас трудно сказать, знал ли А. П. Мещерский, что А. В. Флоровский был связан с П. М. Бицилли многолетней дружбой, что переписка между коллегами по Императорскому Новороссийскому уни-

верситету поддерживалась долгие годы в эмиграции. Скорее всего, однако, к моменту отправления своего первого письма в Прагу (26 февраля 1956 г.) библиограф больше всего интересовался судьбами филологов Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938), Сергея Григорьевича Вилинского (1876–1950) и Валерия Александровича Погорелова (1872–1955). Особенно сильно он был заинтересован (и настаивал на этом в нескольких последовательных письмах) в получении адреса вдовы князя Н. С. Трубецкого Веры Петровны Трубецкой (1892–1968). Его просьбу А. В. Флоровский выполнил не сразу, ему нужно было навести справки, и лишь 19 декабря 1957 г. в Софию был отправлен полученный из Вены адрес. Здесь мы отметим два момента.

Первый из них относится к проблеме условности научной коммуникации. К моменту установления контактов между Прагой и Софией А. П. Мещерский был исключен из академической жизни, он работал библиотечником в Институте растениеводства при Болгарской академии наук и не имел должной методологической и источниковедческой подготовки. Но он осознавал важность взятой на себя задачи. Иерархическая модель научного общества не помешала А. В. Флоровскому отнестись с пониманием к просьбам софийского коллеги, и выдающийся ученый стал собирать и посылать необходимую информацию. Таким образом, интеллектуальные горизонты А. В. Флоровского и А. П. Мещерского совпадали. Но совпадали они не только в силу высокой личной культуры и образованности, но также в виду принадлежности обоих к русскому эмигрантскому миру с его особым восприятием прошлого и особыми представлениями о своей исторической миссии¹⁰. В письмах двух интеллектуалов отражались образы друзей и коллег постепенно уходящей в историю первой половины эмиграции и, вместе с тем, потерянной Родины.

Второй момент относится к предположению о том, был ли использован адрес В. П. Трубецкой. Мы приложили немало усилий, чтобы установить этот факт. К сожалению – безрезультатно, несмотря на любезное содействие ее наследниц В. А. Кюнельт-Ледин и Д. Литон (выражаем свою благодарность А. Е. Климову за помощь в осуществлении этих контактов). Внимательное рассмотрение биографического очерка о Н. С. Трубецком, являющегося частью рукописи А. П. Мещерского «Заметки и материалы к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии. 1920–1944», приводит нас к предположению, что все-таки корреспонденция между Софией и Веной велась¹¹. Перечислим некоторые

детали из очерка, которые, нам кажется, вряд ли были бы известны А. П. Мещерскому при ином раскладе. Во-первых, подробно излагаются обстоятельства смерти Н. С. Трубецкого: рак желудка, арест и особенно: «скончался после мучительного сердечного припадка» (с. 5 рукописи). Во-вторых, как бы с позицией очевидца, что исключено, комментируются трудные личные отношения между князем Н. С. Трубецком и болгарскими профессорами Стояном Романским (1882–1959) и Любомиром Милетичем (1863–1937). Особенно интересна приписываемая русскому лингвисту цитата: «По отрывочным рассказам самого Н. С. Трубецкого, через много лет после его отъезда из Софии, эти два человека весьма упорно содействовали тому, чтобы научная и преподавательская работа Н. С. Трубецкого часто тормозилась под всевозможными предлогами и по разным поводам» (с. 4 рукописи). Кто бы мог рассказать биографу, непрерывно жалующемуся на недостаточность информации в Софии, о том, что много лет спустя вспоминал о событиях 1921–1922 г. проживавший в Вене лингвист? В-третьих: в своем биографическом очерке А. П. Мещерский приводит весьма конкретные факты об «организационном собрании» (отметим, что в рукописи это выражение «закавычено», что указывает на употребляемую автором цитату) евразийской группы, состоявшемся «в октябре 1921, на квартире у Трубецких» (с. 7 рукописи). Далее биограф утверждает: «Я не смогу назвать всех присутствовавших, но некоторых я знаю твердо». Нет в рукописи никаких указаний на источники всей этой информации, но нельзя исключить, что одним из очевидцев, который мог бы поделиться с А. П. Мещерским своими воспоминаниями, была В. П. Трубецкая, адрес которой был получен благодаря хлопотам А. В. Флоровского.

Вероятно, далеко не вся переписка двух русских интеллектуалов сохранилась. Она разбросана ныне между двумя личными фондами А. В. Флоровского – в Праге (Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor) и Москве (Архив Российской академии наук, Ф. 1609). Письма А. П. Мещерского составляют бóльшую часть дошедшего до нас эпистолярного наследия. Послания А. В. Флоровского в Софию сохранились не в оригинальном виде, а только в черновиках, поэтому порой мы можем только гадать о том, что интересовало русского профессора. Бесспорно, это были сведения, связанные с болгарским периодом жизни его коллег, перебравшихся из Софии в Прагу, – С. Г. Вилинского и В. А. Погорелова. Возникает впечатление, что А. В. Флоровский интересовался и научной деятельностью проживавшего в Софии филолога Николая Михайловича Дылевско-

го (1904–2001); в одном из своих писем А. П. Мещерский приводит подробную библиографию этого ученого. Интересно отметить также, что именно через систему книгообмена Болгарской академии наук А. В. Флоровский получил копию (в виде микрофильма) статьи П. М. Бицилли «Новгородское сказание о IV-ом крестовом походе», напечатанной еще в 1916 г.¹²

Вопрос о том, как вызвать интерес современников к наследию П. М. Бицилли, неизменно присутствует в переписке А. П. Мещерского с А. В. Флоровским. Отметим, что персональные и дружеские связи между историками были установлены еще в Одессе, во время их преподавательской деятельности в Новороссийском университете. В одной из первых своих публикаций «Западное влияние на Руси и начальная летопись» П. М. Бицилли указывает на то, что наряду с С. Г. Вилинским и А. П. Доброклонским его оппонентом был А. В. Флоровский, и высказывает свою благодарность всем названным ученым, заставившим его «отказаться от некоторых рискованных утверждений», но также позволившим ему «развить и пополнить обоснование выдвинутого [...] мнения»¹³. Впрочем, дружеские и профессиональные связи П. М. Бицилли поддерживал со всеми тремя представителями семьи Флоровских: с Клавдией Васильевной, как мы уже упомянули, с Георгием Васильевичем и с Антонием Васильевичем. Находясь в не самых благоприятных условиях в г. Скопье, Бицилли пытался помочь своему высланному в 1922 г. коллеге и мобилизовал все свои контакты среди знакомых представителей русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, чтобы подыскать место работы для него. Об этом, а также и о том, как в течение многих лет поддерживались тесные персональные взаимоотношения, свидетельствуют сохраненные письма П. М. Бицилли в архиве А. В. Флоровского¹⁴, письма, которые ждут своего компетентного публикатора и комментатора.

27 мая 1960 г. в письме (черновике) к А. П. Мещерскому А. В. Флоровский спрашивает: «Кстати – удалось ли Вам где-либо опубликовать полный список работ покойного Петра Михайловича?»¹⁵ Ответ приходит не сразу – почти через полгода – и обойти его молчанием невозможно, ибо в нем заключена вся судьба исследователя опальной темы: «Сейчас что-либо издать из наследства Петра Михайловича нельзя и думать»¹⁶. Но собрать все, что возможно, воедино (и не только его наследство научное, но многих других русских ученых) мне бы очень хотелось. Для грядущего. «Интерес к наследству этих прекрасных – и увы! – полностью исчезающих поколений – уже сей-

час – велик. Этому я рад и буду делать все от меня зависящее, чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему эти культурные ценности, еще не оцененные (как следует) в наше время»¹⁷.

А. П. Мещерскому все-таки удалось вызвать интерес современников к наследию двух представителей русской культуры в изгнании, которых многие годы связывала эпистолярная дружба. В 1961 г. в Ленинграде была опубликована статья, информирующая о неизвестных письмах И. А. Бунина к П. М. Бицилли¹⁸, на что А. В. Флоровский сразу откликнулся, указав, что материал очень ценен¹⁹.

Информацией о том, что А. П. Мещерский подготовил «более или менее полный свод его (Бицилли. – Т. Г., М. К.) библиографич[еского] наследства (27 книг и оттисков, 144 статьи и 118 рецензий, критич[еских] заметок и пр.)»²⁰, переписка между Софией и Прагой обрывается на семь лет. Восстанавливается она, по всей вероятности, по инициативе А. В. Флоровского 2 ноября 1967 г. в связи с тем, что ему были нужны сведения о В. А. Мякотине и П. М. Бицилли, биографические справки о которых готовились для словаря работавших в Чехословацкой республике славистов²¹. В своем ответе А. П. Мещерский приводит нужные данные, не скрывая своего отрицательного отношения к вышедшему в Софии некрологу П. М. Бицилли: «По поводу его смерти (с неприличным опозданием) был напечатан некролог: П. М. Бицилли – Исторически преглед, София, 1953, № 5, с. 560–561. (Некролог не подписан. Его написал ученик Петра Михайловича, занявший еще при жизни его кафедру – проф[ессор] Христо Гандев. Написанное весьма низкопробно, и нам было неприятно читать)»²².

Вряд ли можно сегодня полностью разделить оценку А. П. Мещерского, но она существенна как свидетельство о том, как воспринимали написанное члены семьи профессора. Упомянутый некролог был подписан представителями Института болгарской истории Болгарской академии наук и членами редколлегии журнала «Исторически преглед». Можно предположить, что столь неприкрыто резкая реакция, выраженная в письме к А. В. Флоровскому, была вызвана некоторыми утверждениями: «Проф. П. Бицилли был одним из выдающихся представителей русской буржуазной дореволюционной науки. Его научные руководства и монографические исследования отличались эклектичным и идеалистическим характером» (с. 560). Особое недовольство у родственников вызвало, вероятно, утверждение о том, что после политических изменений в Болгарии 9 сентября 1944 г. профессор сам решил, «хотя он уже покинул университет»,

пересмотреть свое политическое мировоззрение. Нельзя отрицать, однако, что в некрологе содержались и искренние оценки качеств П. М. Бицилли: признавались его широкая историческая культура, высокий уровень исследований, отличная преподавательская работа. Написанное сообразно требованиям конкретного исторического момента посмертное воспоминание не скрывало симпатии подписавшихся: «Несмотря на то, что он (Бицилли. – Т. Г., М. К.) не смог сформировать верное историческое мировоззрение у своих студентов, он пробуждал у них глубокий и долговечный интерес к истории» (с. 561).

Одно из последних писем А. В. Флоровского к А. П. Мещерскому, по нашему мнению, воплощало в себе всю иронию судьбы, обрушившейся на рукопись библиографа. Оно содержало информацию о том, что в Советском Союзе была опубликована статья историка Сергея Сергеевича Дмитриева, в которой сообщались полученные из Софии, от профессоров Софийского университета Христо Христова и Христо Гандева, биографические сведения о П. М. Бицилли²³. А. П. Мещерскому цитированное издание было недоступно, как, впрочем, и многие другие книги, которые не получали в Софии, на это библиограф постоянно жаловался в своих письмах. Мы, однако, имели возможность сопоставить содержание статьи С. С. Дмитриева с цитатами из биографического очерка о П. М. Бицилли, написанного А. П. Мещерским. По нашему мнению, упомянутые болгарские профессора использовали в качестве источника отправленных в Москву сведений именно работу зятя П. М. Бицилли. Кроме полного совпадения в изложении биографии ученого, бросается в глаза точное цитирование установленного А. П. Мещерским числа работ П. М. Бицилли: 27 отдельных монографий, 144 журнальных статей и 118 заметок. Сам библиограф в предыдущем своем письме к А. В. Флоровскому информировал своего собеседника, что свою работу он «напечатал на пишущей машинке в 4–5 экз[емплярах]. Один экз[емпляр] я передал в Болг[арский] библиографич[еский] и[нститу]т²⁴ (он пользуется там некоторой известностью среди специалистов[]). По этому экз[емпляру] делают справки для специалистов в Болгарии и за границей²⁵. Затем 2 экз[емпляра] я подарил двум любимым ученикам Петра Михайловича – Ивану Дуйчеву и Хр[исту] Гандеву. И последний экз[емпляр] достался мне»²⁶. С сегодняшней точки зрения, авторскую судьбу первого биографа профессора нельзя назвать легкой. Ему выслали в виде новых сведений именно те материалы, которые он сам собирал. Работа, созданная еще в 1954/1955 г., не только не

была опубликованна, не только пролежала в столе до 2000 г., она еще при жизни автора начала распространяться как в Болгарии, так и за рубежом, использовалась, но не цитировалась в соответствии с научной этикой, помимо прочего и из-за того, что рукопись была неподписанной.

Переписка А. П. Мещерского с А. В. Флоровским привлекает к себе внимание сегодня и еще благодаря нескольким разным фактам и «сюжетам». Из них следует выделить информацию о встрече проживающего в Болгарии библиографа с выдающимися учеными Р. О. Якобсоном и А. Н. Грабарем, побывавшими в Софии в 1959 г.²⁷ Во время этой встречи возникла идея об издании писем князя Н. С. Трубецкого, осуществившаяся много лет спустя²⁸. Используя письма Мещерского, можно правильно датировать и первое посещение академиком Д. С. Лихачевым личного архива и библиотеки князя – произошло это в 1960 г.²⁹. Обращает на себя внимание и мнение библиографа о том, что оставшаяся в Болгарии часть архива М. П. Драгоманова многие годы была недоступна, а затем была передана в дар в АН СССР³⁰.

С точки зрения современной эмигрантологии переписка А. П. Мещерского с А. В. Флоровским, как и наш интерес к ней, могут показаться относящимися исключительно к микроистории, к исторической микроскопии. Но нельзя остаться равнодушным к предупреждению почти неизвестного библиографа из Софии о том, что «со временем, при равнодушии одних и при пристрастном потакании других, вероятно, исчезнет не только память, но и плоды всех трудов и знаний [...] тех русских ученых, которые оказались к 1920 г. за рубежом России»³¹. Информация о представителях русской эмигрантской науки, которая хлынула к нам в последние десятилетия благодаря всем современным средствам коммуникации, пятьдесят лет тому назад собиралась по крупницам, и такое занятие было в те времена далеко не безопасным³². Без особого преувеличения можно сказать, что хотя большинство рукописей А. П. Мещерского остались написанными в стол, он был одним из первых исследователей, понявших значимость эмигрантской темы и начавших прилагать все усилия, чтобы сохранить разные материалы, относящиеся к ней. Просмотр его архива сегодня показывает, что в нем с особой бережностью много лет собирались документы, книги и фотографии русских ученых-эмигрантов. Благодаря его усилиям до нас дошли материалы профессора С. С. Демосфенова, Ф. Г. Александрова, Кл. В. Флоровской и т. д. Все они находятся в личном архиве

А. П. Мещерского, часть которого он подарил в 1991 г. Т. Н. Галчевой. Письма к А. В. Флоровскому свидетельствуют о том, как долго и с каким терпением осуществлялась эта работа, несмотря на ограниченные ресурсы, которые к тому времени имелись в Софии. Помимо представлений о том, как устанавливались и развивались персональные связи между обоими корреспондентами, научная реконструкция переписки важна и с точки зрения целостного восприятия того, как и когда в Болгарии возник интерес к русской послереволюционной эмиграции. Без особого переувеличения можно сказать, что лишь частично опубликованные до сих пор работы библиографа приобрели свою самостоятельную биографию – о них упоминалось, они входили в состав других исследований, но их авторство не было идентифицировано. Полная публикация переписки А. П. Мещерского с А. В. Флоровским, когда это будет возможно, восполнит и еще один пробел – расскажет о том, как и когда создавалась метаистория русской эмигрантской науки. Не исключено, что сделанная А. П. Мещерским в 1950-х гг. попытка осмыслить прошлое Зарубежной России хронологически окажется одной из первых.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Статья подготовлена в рамках проектов Российского гуманитарного научного фонда № 13-31-01251a2 и 14-01-00450a.
- 2 См.: *Аксенова Е. П., Горяинов А. Н.* Русская научная эмиграция 1920–1930-х годов: по переписке М. Г. Попруженко и А. В. Флоровского // *Славяноведение*. 1999. № 4. С. 9–10. Архив А. В. Флоровского после его смерти в 1968 г., вопреки завещанию, оказался разделенным. Одна его часть была передана в Москву в Архив Академии наук СССР (ныне – Архив РАН), где составила отдельный фонд (Ф. 1609. Оп. 1–2), другая же оказалась в рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге (50 архивных коробок). При этом была нарушена целостность собрания, связанные друг с другом документы оказались в разных архивах. См. об этом подробнее: *Ковалев М. В.* Личный фонд А. В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // *Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия*. М., 2013. С. 131–138.
- 3 Имя первого, долгое время не упоминавшегося, исследователя русской эмиграции в Болгарии известно немногим ученым: *Бир-*

- ман М. А. А. П. Мещерский (1915–1992). Несколько страниц к биографии первого «бициллиеведа» // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 800–805; *Велева М.* Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. София, 2004. С. 38; *Каганович Б. С.* Петр Михайлович Бицилли // *Каганович Б. С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С. 213; *Попова Т. Н.* Петр Михайлович Бицилли: «Исход и возвращение» // *Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета.* Одесса, 2007. С. 327–452; *Димитров Е.* Андрей Мещерский и его библиография русских ученых в Болгарии. Несколько слов об А. П. Мещерском // *Русское зарубежье в Болгарии. История и современность / Автор идеи и сост. С. А. Рожков.* София, 2009. С. 61–63; *Бирман М. А.* Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения. (К постановке вопроса) // *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали.* Одеса; Велико Търново, 2009. Т. 10. С. 279–290. Мы не перечисляем те работы, в которых имя А. П. Мещерского упоминается эпизодически, в основном как источника воспоминаний. Отметим, однако, что наиболее полная, точная и полностью прокомментированная публикация части рукописи кн. Мещерского состоялась сравнительно недавно: *Мещерский А. П.* Из «Заметок и материалов к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии» / Вступ. ст. и примеч. А. Н. Горяинова // *Славянский альманах 2005.* М., 2006. С. 443–462.
- 4 *Галчева Т.* Судьба свидетеля: «собрать все, что возможно, воедино» (неизвестное об А. П. Мещерском) // *Свидетельство: традиции, формы, имена / Сост. К. Б. Сигов.* Киев, 2013. С. 583–603.
- 5 См.: *Досталь М. Ю.* Историк-эмигрант А. В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // *Новый исторический вестник.* 2011. № 28. С. 80–87; *Аксенова Е. П.* Жрец «Клио» (к научной биографии А. В. Флоровского) // *Вестник славянских культур.* 2009. Т. XI. № 1. С. 32–47; *Ковалев М. В.* Русское историческое общество в Праге (1925–1945) // *Российская история.* 2011. № 5. С. 148–158; *Он же.* «Издание исторического журнала, посвященного прошлому России... является... необходимым»: документы Славянской библиотеки в Праге о несостоявшемся проекте российской научной эмиграции (1937 – начало 1940-х гг.) // *Отечественные архивы.* 2014. № 5. С. 84–100.
- 6 *Лантева Л. П.* Русский историк-эмигрант А. В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // *Вестник МГУ. Сер. 8. История.* 1994. № 1. С. 55–63.

- 7 *Аксенова Е. П.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А. В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. Т. 1. С. 95–100.
- 8 См.: *Ковалев М. В., Лантева Л. П.* «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А. В. Флоровского с советскими историками В. Т. Пашуто, А. А. Зиминым и Е. П. Подъяпольской // Исторический архив. 2014. № 4. С. 66–87.
- 9 Впервые полная публикация этих писем планируется в первом разделе подготовленной к печати книге Т. Н. Галчевой и И. В. Голубович о первых годах эмигрантской жизни П. М. Бицилли (София, 2014). Важность этого источника впервые была подчеркнута во вступительной статье к одному изданию, для которого А. П. Мещерский специально предоставил свою рукопись, см.: *Галчева Т. П. М. Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П. М. Избранное: Историко-культурологические работы: В 2-х т. / Сост., подг. текстов и коммент. Т. Н. Галчевой, Г. П. Петковой, Хр. П. Манолакева. София, 1993. Т. 1. С. 7–40.* Однако настоящую популярность этим материалам принесла первая публикация биографического очерка А. П. Мещерского о П. М. Бицилли, см.: *Мещерский А. П.* Петр Михайлович Бицилли // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии / Сост., вступит. статья, коммент. М. А. Васильевой. М., 2000. С. 570–588.
- 10 См. об этом: *Ковалев М. В.* Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940 годов // Россия XXI. 2012. № 3. С. 120–147.
- 11 Очерк о Трубецком стал единственной прижизненной публикацией из «Заметок»: *Мещерский А. П.* Опит за библиография на професор Н. С. Трубецкой / Превод на български език и публикация Т. Галчева // Литературна мисъл. София, 1991. № 4. С. 138–151. Оригинал рукописи находится по адресу: <http://www.savedarchives.net/ru/article/kn-n-s-trubeckoi-s-20-sentiabria-1920-do-1-oktiabria-1922> (Режим доступа: 27.06.2014).
- 12 Опубликованная в 34 выпуске журнала «Исторические известия» статья вызвала интерес обоих корреспондентов тем, что была упомянута в материале Н. А. Мещерского «Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии» (Византийский временник. 1956. Т. 9 (54). С. 170–185). Здесь автор, действительно, указал на публикацию 1916 г. Но при этом он подчеркнул, что данная работа осталась ему недоступной. По этой причине он не привел ни точного названия статьи, ни даже имени

ее автора! Таким образом, фамилия П. М. Бицилли в исследовании Н. А. Мещерского не упоминалась, однако А. В. Флоровский, вспомнив, о чьей работе могла бы идти речь, попросил копию исследования П. М. Бицилли у А. П. Мещерского.

- 13 *Бицилли П. М.* Западное влияние на Руси и начальная летопись. Одесса, 1914. С. 1.
- 14 Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140.
- 15 А. В. Флоровский – А. П. Мещерскому, 27 мая 1958 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-FLOR* (Далее – SK. T-FLOR). Krab. VII. Inv. č. 175. № 6.
- 16 В 1948 г. по причине предельного возраста П. М. Бицилли был освобожден из состава преподавателей Софийского университета. Так как он не был болгарским гражданином, Университет периодически заключал с ним контракты на должность профессора по кафедре новой и новейшей истории. Согласно болгарскому законодательству, «контрактные» (договорные) лица не вносили пенсионных отчислений, и им, соответственно, не выплачивалось пенсионного пособия, в результате чего в течение нескольких лет семья Бицилли находилась в очень тяжелом материальном положении. Одновременно с этим началась и травля Бицилли по идеологическим причинам. Некоторые издания профессора были включены в списки запрещенной литературы. В авторитетном болгарском журнале была опубликована статья, в которой после «анализа» работ историка был вынесен приговор: «Считать писания Бицилли наукой является кощунством. [...] Белогвардейское беснование Бицилли достигает своей вершины, когда он начинает говорить о большевиках и о Советском Союзе. [...] Использование его работ может нанести только вред нашей борьбе за социалистическое воспитание молодежи и народа». См.: *Несторов Хр.* Бележки върху българската буржоазна историография на нова и най-нова история // *Народна просвета*. София, 1950. Вып. 10. С. 60–61. Здесь и дальше все переводы цитат с болгарского языка на русский принадлежат авторам настоящей публикации.
- 17 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 24 мая 1960 г. // SK. T-FLOR. Krab. VII. Inv. č. 175. № 10.
- 18 Неизвестные письма И. А. Бунина / Публ. А. Мещерского // *Русская литература*. 1961. № 4. С. 152–158. В архиве А. П. Мещерского сохранился еще один его авторский материал, названный «И. А. Бунин в Болгарии». Машинопись не датирована, но возможно, что она была подготовлена в 1961 г.: в ней цитируется вышеуказанная

- работа о письмах И. А. Бунина к П. М. Бицилли. Следует полагать, что в том же году рукопись была отправлена в редакцию журнала «Русская литература», потому что письмом № 338/14 февраля 1962 г. ответственный секретарь редакции подтвердил, что «Сообщение “Бунин в Болгарии” по-прежнему интересует журнал». Мы не нашли информации о том, что эта работа А. П. Мещерского была напечатана, таким образом, судьба его текстов на много лет осталась неизменной: «в стол».
- 19 А. В. Флоровский – А. П. Мещерскому, 2 ноября 1967 г. // SK. T-FLOOR. Křab. VII. Inv. ř. 175. № 11.
- 20 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 24 мая 1960 г. // SK. T-FLOOR. Křab. VII. Inv. ř. 175. № 10.
- 21 А. В. Флоровский – А. П. Мещерскому, 2 ноября 1967 г. // SK. T-FLOOR. Křab. VII. Inv. ř. 175. № 11. Словарь готовился к VI Международному съезду славистов, проходившему с 7 по 13 августа 1968 г. в Праге, но был опубликован значительно позже: *Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760: Biograficko-bibliografický slovník*. Praha, 1972.
- 22 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому от 15 ноября 1967 г. // SK. T-FLOOR. Křab. VII. Inv. ř. 175. № 12.
- 23 А. В. Флоровский – А. П. Мещерскому, 24 ноября 1967 г. // SK. T-FLOOR. Křab. VII. Inv. ř. 175. № 13. Полные библиографические данные комментируемой статьи следующие: *Дмитриев С. С.* К истории советской исторической науки: историк Н. Л. Рубинштейн (1897–1963) // Ученые записки Горьковского государственного университета. Сер. ист.-филол. Горький, 1964. Вып. 72. С. 415–471. Сам А. В. Флоровский был знаком с С. С. Дмитриевым и вел с ним переписку: *Dmitrijev, Sergej Sergejevič, Moskva, 1966–1967* // SK. T-FLOOR. Křab. III. Inv. ř. 40.
- 24 В биографическом очерке о П. М. Бицилли (более позднем, расширенном) А. П. Мещерского содержится указание на то, что рукопись была записана в инвентарной книге Болгарского библиографического института в Софии под № Д-1880/54. Институт был сформирован в 1941 г. и просуществовал до 1964 г., когда все его материалы были переданы в фонд Государственной (Национальной) библиотеки.
- 25 Вероятно, этот экземпляр был использован и при подготовке издания: *Bicilli P. M. Anton P. řechov. Werk und Stil. Forum Slavicum. Herausgegeben von Dmitrij Tschizewskij. Munchen, 1966*, где в разделе «Vorbemerkungen» сказано, что использованы данные из ано-

- нимной библиографии П. М. Бицилли, хранящейся в Национальной библиотеке Болгарии.
- 26 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 24 мая 1960 г. // SK. T-FLOOR. Krab. VII. Inv. č. 175. № 10.
- 27 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 19 марта 1960 г. // SK. T-FLOOR. Krab. VII. Inv. č. 175. № 8.
- 28 N. S. Trubetzkoy's letters and notes / Prepared for publication by R. Jakobson, with the assistance of H. Baran, O. Ronen and M. Taylor. The Hague; Paris, 1975.
- 29 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 24 мая 1960 г. // SK. T-FLOOR. Krab. VII. Inv. č. 175. № 10.
- 30 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 6 января 1958 г. // SK. T-Flor. Krab. VII. Inv. č. 175. № 5; А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 6 июня 1958 г. // Ibid. № 7. Часть архива М. П. Драгоманова была куплена Русским заграничным историческим архивом в Праге у Л. М. Драгомановой-Шишмановой в 1932 г. при посредничестве В. А. Мякотина. Однако в Прагу были переданы не все материалы. Часть из них оставалась в Софии в собрании Шишмановых. Затем документы были переданы на хранение в Болгарскую академию наук и долгое время оставались научно невостребованными. В итоге Президиум Болгарской академии наук решил подарить эти материалы СССР, и в начале 1954 г. они были перевезены в Москву. См.: Ковалев М. В. Русский заграничный исторический архив в Праге и проблемы собирания документов по истории освободительного движения // Освободительное движение в России. Саратов, 2013. Вып. 24. С. 73–74.
- 31 Мещерский А. П. Заметки и материалы к библиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии 1920–1944. София, 1955–1956. Предисловие // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры... С. 562.
- 32 В 50-х, 60-х и 70-х гг. болгарская служба Госбезопасности последовательно ставила на учет, а потом снимала с учета А. П. Мещерского из-за распространения вражеской литературы, его письма отслеживались, телефон прослушивался, дом и рабочее место не раз подвергались обыскам. Все эти данные почерпнуты из материалов Комиссии по доступу к документам и раскрытию сведений о принадлежности граждан Болгарии к Государственной безопасности и разведывательным службам Болгарской народной армии (Архив на Комисията за разкриване на документите и обявяване на принадлежност на български граждани към Държавна сигурност и разуз-

навателните служби на Българската народна армия), где мы имели возможность ознакомиться с личным досье А. П. Мешчерского (АК-РДОПБГДСРСБНА). Ф. III раз. А. е. 15562; А. е. 33068.

Galcheva T. N., Kovaliov M. V.

«...In Order to Preserve, Collect and (in Good Time) Hand Over to the Posterity». Correspondence Between A. M. Meshchersky and A. V. Florovsky (1956–1967)

The article reconstructs the correspondence between A. V. Florovsky and A. P. Meshchersky, which is now preserved in the archives of Moscow and Prague. It reveals some specific features of scholarly communication among Russian emigrants, analyses contacts between different emigrant centres and their representatives, tells about intellectuals' activities aimed at preserving the historical legacy of Russia Abroad.

Keywords: *A. V. Florovsky, A. P. Meshchersky, H. S. Trubetskoy, K. V. Florovskaya, Russian emigration, correspondence, Czechoslovakia, Bulgaria, Prague, Sophia, historiography.*